

Послесловие. Куда подевалось небо?

Проза Кима Балкова всегда касалась вещей значительных.

Уроженец приграничной Кяхты, затем житель Баргузинского района Бурятии, силами он мерился с Байкалом, обширной памятью - с пространствами степей. Он всегда был там, где мыслям и чувствам просторно, нестесненно, а человеку трудно - не то, чтобы жить, а все измерить, соразмерить и со всем согласиться. Обдумывать приходится много томительных вещей, а взглянешь на живую стихию байкальских вод - и всё отступает. Море людское выносит на берег неприкаянность, сомнение, а Море Священное - то улов рыбы, то погибель, то красоту - ничего от его даров нет чужого людям. Оно и заполнит, оно и опустошит - когда как.

Писатель Ким Балков чувствует человека и много думает о человеческом, и не меньше - о влекущем. Это влекущее у него самостоятельное понятие и даже божество. Оно заполняет человека и опустошает его - когда как. Писатель обжил дом на берегу моря, чтобы уж томиться доподлинно и влечься доподлинно, соразмерно величию вод. И никуда не уходить, как тому кулику со своего болота - самого красивого, самого-самого ... И на самом деле самого-самого.

Силами Балков меряется с Байкалом (вот и биографическая справка – «в студенчестве занимался боксом»), и это не громкая патетическая фраза. Ведь, понятное дело, речь идет не о том, чтобы какое-нибудь судно утопить. А о том, насколько слова писателя о сущем и существенном приведены в соответствие с тем, что видит его взгляд сибиряка-прибайкальца. Чистая морская гладь, в которой отражаемые облака и небесные свечения могут заговорить на языке самом фантастическом и неведомом людям, похоже, делится с писателем своей творческой силой. И у Балкова есть в его средствах выражения та неповторимая особенность, тот своеобразный литературный язык, который сродни происходящим на Байкале ежедневным мистериям света и красок. Как слагается проза Балкова - известно ему одному ... Из облачных парений мысли до простых вещей, которыми живут люди.

Лежит Байкал в глубокой зеленой чаше и медленно, будто нехотя, ворочается; волны поблёскивают в утреннем солнце, пошаливают, но словно бы понарошке, то вдруг кинутся на белый каменистый берег, и могучая дремлющая сила почувствуется в их набеге, когда сдвинутся с места, зашевелиятся, зелено посверкивая, тяжёлые замшелые валуны; а случается, волны вдруг вспенятся, забурлят, гомонливые, выметнутся из темного загадочного нутра и не скоро ещё ослабнут. И там, где они черкнут воздух сверкающим лезвием, расколется синева, рассыплется, сдвинутая, и тысячи синих сверкающих сколок, сталкиваясь и дробясь, упадут, застигнутые ветром, на прибрежные кедры ...

Так начинается давний роман Кима Балкова «Байкал - море священное», и этими строками задаётся тон повествования, то напряжённо-экспрессивного, то свободно-пространственного, то поднимающегося в небеса, то дышащего целебными настоями степей. И тогда «обыденное нечто» из жизни людей наполняется особым смыслом - литературным.

Ведь жизнь, с точки зрения врача, это одно, церкви - другое, а писателя - насколько ладный из увиденного и прочувствованного может получиться текст.

Писатели работают по-разному. Реалисты - они все пишут с натуры, но с натуры большую и объемлющую картину не создашь, и тогда получается - сочинение,

умствование, сопряжение того, что в жизни «выпрягается» и разве что на мгновение может оказаться рядом, в доступной близости. Это сочетание ближних и дальних планов постоянно присутствует в прозе Балкова и не даёт читателю расслабиться при всей округлой мягкости его манеры повествования - будто бы валун огладили вода и ветер, и он, потеряв острые грани, весь погрузился в распознавание знаков писанной на его боках судьбы.

Высоко в поднебесье повествований Кима Балкова обязательно парит орёл или какая-нибудь родственная орлу птица. Так задаётся масштаб - и вот оно, касание с землёй, которой дано небо, и, как бы она ни вертелась под рукой писателя, занятого лепкой литературной формы, всему быть значительным и значимым ... Вплоть до ничегонеделанья не уйти от значительности. И это такая бурятская эпическая школа. Дед Кима Балкова был улигершин - народный сказитель, певец, черпающий из глубины веков свои творческие силы и память. И там, где действовали древние герои, там и трава - герой, и воздух - герой, и юрта - герой. Вообще в сказаниях народов мира нет ничего второстепенного. Всё, что прошло через горнило создателя и создания, все священо и никуда от этого не деться. Все неповторимо, значит, невозвращаемо, и, уходя, задевает своей неповторимостью, и так волна за волной.

Начиная с романа «Байкал - море священное» Ким Балков избирает средой обитания своих персонажей Кругобайкальскую железную дорогу. Этим романом он наворожил себе судьбу - в середине 1990-х писатель получил в пользование от Главного управления Восточно-Сибирской железной дороги дом-памятник архитектуры в населённом пункте на ветке КЖД. Изданный в 1989 году в Москве роман по времени написания ещё не удалялся далеко от принятой в советский период идеологии. В нём желание мира и вольного покоя сочетается с борьбой страстей пореволюционного периода, когда строилась КЖД.

Первые романы Кима Балкова как раз избирали точкой кипения не бытовые страсти, а развёрнутую в сибирском пространстве Гражданскую войну. Помню, как я, автор этих строк, ребёнком читала роман «Рубеж» (1975), взятый в сельской прибайкальской библиотеке и уже по виду зачитанный. Это было совсем другое чтение, чем «Принц и нищий» Марка Твена или даже «Всадники со станции Роса» Владислава Крапивина. Я сидела за чтением в деревенской прадедовской избе, помнившей Гражданскую войну, было тихо-тихо, и за Байкалом пронзительно алела полоска заката, и всё, происходящее в романе выглядело действительно случившимся и тревожно влекущим ... к непознаваемому, не к войне. Мы все тогда были красные, а то, что фактически были из белых, как раз находилось за алой чертой, все тоньше становившейся в вечернем небе. А потом, когда бабушка Валентина Петровна закрывала ставни, чтение романа Балкова при тусклой лампочке в 25 ватт уже по-иному прибавляло чтению ощущение близости непознаваемого .

«Идущие во тьму» , «От руки брата своего» - это уже иного характера повествования Кима Балкова, когда победа красных и поражение белых равно выглядели как трагедия.

Создал в 1990-е писатель и два романа о делах духовных- это «Будда», что для уроженца Бурятии с её основной конфессией, буддизмом, понятно, и «За Русью Русь» - о той неизвестной и стёртой из памяти русских гражданской войне, кото-рая кроваво бушевала при свержении христианами княжеских и народных языческих богов. За этот роман Ким Балков получил Большую литературную премию России. Премиями были отмечены почти все его книги, но эта по значимости, действительно, превосходит

прочие.

Все позднее созданные Кимом Валковым произведения привязаны географически к обжитому им Подлеморью - району КБЖД. В «Байкале - море священном» появляется вдруг такой ещё предзнаковый буддийский монах Бальжийпин, случается пожар - подобно распутинскому «Пожару», ставший предвестником того, что в 1990-е все *оно* сгорело синим пламенем. И вот, наконец, из печати таким закономерным явлением выходит у Кима Балкова этапный роман «Берег времени», где два духовных лица - буддистский и православный монахи ведут свои параллельные монологи и событийно-духовные дела, окропляемые сырым байкальским ветром на фоне скорбных «приходов» современности. На берегу времени автор романа ведёт двойную игру. Он то сближает фаворский свет православия с влекущим свечением нирваны, то разводит монахов по углам и заставляет говорить многобожную природу. Тогда и кажется - рождается новая религия — священнобайкальская, язык которой ещё не вычленился из шума ветра и плеска воды.

И это далеко не шутка - современные русские байкальские жители, из числа крещённых в православной вере, едут со своими проблемами то в Иволгинский дацан, то к шаману, умному дедушке, который с чувством покамляет, а потом напомним, чтобы посетители про церковь не забывали тоже. А про обращения к старухам-молитвенницам и колдовкам и говорить не приходится. Все это бывает по настроению - вдруг осеняет прибайкальца - ну, поехать в дацан надо, и все; а интуицию и индукцию учили почитать в школе.

О простом народе-прибайкальце выпустил Ким Балков книгу рассказов «Звёзды Подлеморья», а теперь и эту, что держит читатель в руках.

Книга «Куда подевалось небо» открывается рассказом «Трясина». И это выглядит странно. А потом вспоминаешь - иначе, как трясиной, сегодняшнюю жизнь назвать нельзя. Все в ней неустойчиво, ненадёжны люди, а если кто и сохранил в себе достоинство, то запросто может попасть в такую круговерть, где его

попытаются лишить последнего. Ухватить тут, да ещё там, да рыскать в поисках заработка - вот на что обречён народ в России сегодня, где нет ни одной структуры, кроме нефтегазовой, на своих зыбучих платформах и хлябях болот испытывающей довольство.

Но рассказ ведь не об этом. Как и должно быть в классическом охотничьем рассказе, он о поединке зверя и человека. Действие его развивается неспешно. Две семьи уходят в тайгу, чтобы прокормиться, опыт предков ещё не растерян, они обживаются, а старый изюбр идет к солончаку, где ему угрожает трясина. Опасливо обитают там же поблизости матка с изюбрёнком, тоже понятно, что не в лучшую для всего земного пору. Зверь выигрывает поединок.

Лесной зверь ощутил сильный толчок в голову, после чего наступила спасительная для него тьма. Он с очевидным удовлетворением окунулся в неё и был благодарен Фёдору хотя бы за то, что тот угадал его последнее желание. Он не видел, как охотник отбросил ружьё и вяло, спотыкаясь на каждом шагу и ни разу не оглянувшись, поплелся по тряской земле в ту сторону, где в густой зелени высокорослых трав скрывались солонцы, куда так хотел попасть старый изюбр.

Выигрывает тотально - охотник больше не возьмет в руки ружья, а, значит, спасены мать и детёныш. И только читатель-современник знает, насколько это зыбко. Простой мужик покорила совесть, а завтра могут налететь *эти* - на вертолётах, с оптическими прицелами, все равно что инопланетяне. Трясина, одним словом, с

воздуха.

Все рассказы Кима Балкова - о простых людях. И это не столько выглядит как позиция, сколько естественное следование тому, что требует от писателя его же слово. О городских структурированных деятелях живого мало что можно сказать. Обитающий среди природы простой человек погружен в её таинства, а там и космос, и мироздание, и балковское *влекущее*. Простой человек выносит все на своём горбу, его правда в его руках, и его гибель всегда победа правды и незаёмная трагедия. Из рассказов книги «Куда подевалось небо» большинство так или иначе посвящено уходу. Это «Трясина», «Не поспешай, брат», «Дед-сто лет», «Небесный хворост» и далее. Никифор из «Сойкиного гнезда» ничего худого не сделал, но и ему надо бежать - опутали. А в «Сердечной щемоте» герой рассказа даже смерти не нужен - тосковал, ждал от бандитов расправы, а они не приехали ...

Или другой рассказ - «Дед-сто лет». Людям, гонимым с родных мест, в истории нет числа. Для жителей современного Прибайкалья это тема «Прощания с Матерой». Там раздавила освящённый веками уклад индустриализация. Здесь дедовское Подлеморье облюбовали московские чиновники под свои воровским способом нажитые особняки. Чужие везде и самим себе, они ли в состоянии подумать, что переселение коренных жителей в городские, похожие на тюрьмы панельки с домашними нужниками - это слом бытийственного характера.

В одно мгновение гаснет солнце жизни и воцаряется серая мертвечина. Дед-сто лет - его все так кличут, имени его никто и не помнит, ветхий и слабый, сравнимый со святыми мощами, только ходячими, понимает это верно.

Дед-сто лет облегченно вздохнул, когда спустился на белый наст. Не хотелось никого видеть. Смутно было на сердце. Тоскливо. В какой-то момент глянул в ту сторону, где осталось поселье, по узким улочкам которого сновали люди, и смущённо подумал: «Кто я был для них? А кто они были для меня?» И не сумел ответить. А может, не захотел?.. Впрочем, теперь ему это без разницы. Он так решил, что без разницы. «А чё в самом деле? Иль не имею права жить, как хочу? Сколько можно? Да и чё бы я стал делать на чужбине? Так что отстаньте от меня!» Нет, нет, это он не про жителей поселья, а про тех, приезжих, кою не знал, разве только то, что были они сумасшедшие сильны и никто не мог совладать с ними, один Бог ... Да где он нынче? Неужели не видит, что творится на отчей земле? А если видит, пошто не приструнит зарвавшихся? Пошто не накажет их?

Ким Балков не просто обозначает проблему - он художник слова, и создаваемые им картины врезаются в сердце читателя навсегда. И тот начинает видеть там, где-то вдали, во влекущей дали, убогого старичка, поспешающего в снежной поземке по льду озера с санками, в сопровождении домашней живности, ко-торой, верно, тоже нет уже места на этой земле - старого пса да серой утицы.

Эта утица вдруг вспоминается при чтении рассказа ~Божий одуванчик». Живёт у Байкала бабка Авдотья да сын её Петюня, слабый здоровьем, он пристроен в другом поселье к людям работать и, чтобы быть сильнее, прислоняется к церкви. Бабка держит кур и однажды из яйца, высиженного курицей, вылупляется утенок. Возлюбила утенка старуха, возлюбили курицы, все что есть силы заботятся о дикой птице. И вот, наступает осень.

И опасения Авдотьи сбываются. Дорогая её сердцу маленькая гостья присоединяется к опустившимся на Байкал диким уткам. Старушонка - таких в городе обыкновенно облаивают, и все на них вымещают, и кричат: «Что ты путаешься под

ногами», а в деревне некому, там пустынно, самая мелкая пылинка имеет свой вес и может вызвать слезы, даже не попадая в глаз, - старушонка кличет утицу, и та выходит к ней из стаи.

- Пропадёшь, ежели перестанешь меня слушать, - взяв птицу на руки, сказала бабка Авдотья. Утица покрутила головой, как если бы согласилась со старухой. Одобрительно поглядела на неё изжелта-красным глазом. Всё ж на другой день едва тяжёлый осенний рассвет опустился на захладавшую за ночь землю, утица, как если бы про всё запамятовав, покинула отчее подворье. А чуть погода и бабка Авдотья проснулась. Это когда до её ныне изрядно ослабевшего слуха донёлся грохот выстрелов. Сразу поняла по звуку, что стреляли из дробовых ружей. А значит, стреляли по уткам. По тем самым, что невесть по какой причине всё ещё не улетели в тёплые края. Держась за сердце, вышла во двор, позвала утицу. Та не откликнулась. Тогда бабка Авдотья потянулась к калитке и, не захлопнув её за собой, ходко, хотя в груди побаливало, пошла по улочке к тому месту, откуда доносились выстрелы; она припоздала. Лодка с охотниками и с побитой птицей уже отплыла в море. А скоро её и вовсе стало не видеть. Но бабка Авдотья не теряла надежды. И едва ли не до полудня простояла на берегу, пристально глядя в набегавшую волну. И на следующий день пришла сюда же. И через день тоже ... Когда же поняла, что уж не увидит утицу, ощутила острую щемоту на сердце. И с тех пор не расставалась с нею. И даже приезд сына не поколебал в ней. Она чувствовала себя обманутой, только вот непонятно кем. Знать бы про это, тогда, может, и легче бы стало. А может, и нет. Скорее всего, нет.

Такой вот божий одуванчик (без кавычек), застывший на берегу перед безбрежным пространством, окрасившимся в тона печали. Тут и вселенское одиночество людей перед неразрешимым вопросом о самом ближнем... А там, где нет ощущения этого вселенского одиночества, пиши пропало - там и сальные руки, и большие деньги, и ружья, готовые на всё.

Писатели пишут, потому что им это дадено, они не в силах отделаться от этого своего рода наваждения, и в потоке создаваемого ими пусть всё имеет смысл и место, но бывают вещи, особенно удавшиеся. В книге Кима Балкова «Мир идущему» это рассказ «Небесный хвост». В нём есть все от других рассказов, но этого всего в нём присутствует в большей степени. Земное влекомо небесным, и изначальная социальная мотивация персонажей отступает - сначала перед Степью, затем перед Небом.

Бывшая колхозная отара в пятьсот голов оказывается в руках у того, кто осмелился её присвоить, старик Цыденжап, бывший колхозник, становится её пастухом. Степь выжгло палящее солнце, и Цыденжап со старухой своей и псом гонят отару туда, где есть сочная трава. Волки режут овец, погибает пес. Цыденжапу остается одно - собирать разбежавшийся остаток отары по степи, бродить по зною В тоске от социального зла, тяжело навалившегося на людей.

В бурдюке у Цыденжапа не было воды, а пить хотелось невероятно. И он, чуть помедлив, пошёл в сторону кургана, который возвышался над степью. Знал, за тем курганом, в распадке, в прошлые лети накапливалась вода. Её было мало, не хватило бы, чтоб напоить отару в пятьсот голов, и Цыденжап редко заглядывал сюда. Но теперь у него не было выбора. и он неторопливо, подсобляя себе палкой, что оказалась нынче в руке, начал подниматься на вершину. Прошло, пожалуй, не меньше часа, прежде чем он оказался на взлобье кургана и опустился на большой замшелый камень. А потом глянул по сторонам. Возникло чувство, что он поднялся не на вершину

кургана, куда в Белый месяц слетались верхние духи и где пировали, отмечая новоегодье, а в небо, туда, где солнечные лучи особенно горячи, не прикоснуться к ним руками, не обжегши их. Зато и на сердце сделалось вроде бы поспокойней, не так щемяще, и можно было подумать ещё о чем-то, кроме сгинувшей отары, и подивоваться на степь, огромную, нехватную.

И это было первое утешение для старика. А второе было - Вечное Небо. А перед тем беседа с невесть откуда взявшимся хуvaraком в ветхом халате. Рассказ «Небесный хворост» по-настоящему поэтичен, а Платон так определял поэзию: «Поэзия - это смутное, интуитивное, не достигшее стадии определения». Это смутное, интуитивное присутствует в рассказе Кима Балкова повсеместно, пока наконец не концентрируется в истине, и тогда поэзия приобретает силу истины.

Герои рассказов Кима Балкова, впрочем, как и их прототипы - простой народ страны, мучаются своей ненужностью, неприкаянностью, зыбкостью всего. А Цыденжап вдруг осознаёт, что он нужен, и читателю остаётся констатировать, что для человеческого существа это важнее всего.

И тут он увидел большую светлую тень, сходную с тенью человека, она поднялась высоко в небо и сияла. Он увидел её и сразу поверил, что это тень того человека, кого встретил в степи. Пожалуй, это был святой архат, по какой-то надобности сошедший на землю и теперь снова вознесенный ко святому Престолу Учителя. Как же приятно сознавать это! Значит, он, Цыденжап, не один посреди огромного мира и кому-то ещё надобен? " Мало-помалу у него возникло чувство единения со всем тем, что было отпущено ему Высоким Небом. Нет, конечно, подобное чувство он испытывал и прежде, но не так остро и обнаженно,

Цыденжап стоял посреди уже затененной глубокими вечерними сумерками желтолицей степи и смотрел на голубой диск луны.

На сердце было слегка тревожаще, как если бы забродившее нынче в его душе слабо и каждую минуту может исчезнуть, и тогда опять ему станет одиноко и неуютно среди людей, и он, как и раньше, не будет знать, куда деть себя. Но что-то в нём же самом подсказывало, что так уже не будет, он теперь другой ...

В «Жестокой обиде» мужик Тихон живёт ладно, несмотря на лихолетье, держит на заимке коров. У него справная жена-хозяйка. Но вот после такого хорошего вечернего костерка с приятелем Болтуем Болтуевичем наступает горькое утро - вору порушили всё, стада коров больше нет. Нет утешения. Не вознестись Тихону на небо, не стар он ещё. А кто он, если не может быть хозяином на своей земле?

- «Куда подевалось небо?» - так называется еще один рассказ книги о простом человеке Подлеморья. О его быте? Нет. О его жизни? Это не жизнь. О прозябании?

Студент филологического факультета ИГУ Антон чем-то напомнит читателю Александра Вампилова. Бурятистая внешность, любовь к чтению и районной библиотеке, особая привязанность к матери, с которой он вечером за чашкой пустого чая делится о прочитанном. И всё это картина зыбкого, утонченного, можно сказать, почти духовного существования в отсутствие всяких материальных благ. А было ли иначе в годы жизни Александра Вампилова?

Мать Антона - школьная уборщица, показавшая сыну как обходиться самым малым. Антон, «столкнувшись раз-другой с глухим, обвалистым непотребьем, выброшенным на поверхность жизни, понял, почему матушка поступала так, а не иначе, отчего подобно воробышку обходилась малым и не стремилась к чему-то ещё, осознав, что наглухо закрыта для неё дорога в ту степь».

В прозе Кима Балкова всегда много размышлений, копания в себе в поисках точки опоры, всегда пейзаж и минимализм прочих деталей. Будто сама манера письма отвращает его от описания жизни богатых. Про Антона и его мать пишется скупое, но с затаённой любовью к той простоте, которая открывает способность видеть подлинное, сущее, незащищенное в своем искреннем трепете перед мирозданием. То небо, которое ведомо лицам просветлённым, кажется, было ведомо и школьной уборщице:

Жаль, матушка мало что понимала из того, о чём пытался сказать. Но да ладно. Чего уж там!.. Всё ж порой казалось, что и матушка в иные моменты отдалялась от привычной земной жизни и возносилась душой туда, где радостно и светло. Судя по всему, и она окуналась в тепло и трогательно струящийся свет и уж ни от кою не зависела. Но почему тогда даже в благостные для неё минуты с тонкоскулого жёлтого лица, обильно испещрённого морщинами, не сходило тревожное недоумение? Он не сразу понял почему ... Но как-то матушка сказала, что опасалась подолгу пребывать в незнакомом мире: ведь на земле она оставила сына. И потому поспешала избавиться от сладостного наваждения. Думала, «как же Антошка без её-то. Пропадёт небось»? И осилив в себе то, что возносило в небесные дали опускалась на землю. И - слушала сына ...

Такие рассказы тем приятнее читать, что внутри себя они не несут никакой угрозы, они распахивают горизонты - степей, далей, Байкала, настоящие, не иносказательные горизонты, а те уже примиряют с бытием, которое есть. Вот мать Антона заболела, ей нужна операция на сердце, а это деньги и ещё раз деньги. С мужиком Сокольниковым, которого больного выходила когда-то мать, взявшимся помочь, Антон выходит в море. Байкал даст улов и деньги. Даёт. Уставший Антон задрёмывает в лодке: *«Антону в те поры привиделось. будто-де идёт он узким, глухим чернотропьем и тянется посмотреть в небо, но отчего-то заместо неба, хотя бы и закрытого тяжёлыми облачными занавесями, прозревается что-то другое, угрюмовато-серое и безжизненное. «Куда подевалось небо?..» - хочется спросить Антону, но спросить не у кого: на десятки вёрст ни живой души, и птица здесь не пролетит, и зверья тень, лёгши наземь не обозначится в мертвом пространстве».*

Куда подевалось небо, единственное прибежище мыслей для страждущих душ? Рыбу вычерпали из лодки ловкие молодчики, от которых, оказывается, и на байкальской воде нет спасения.

Антон разом сник, запямятовав про всё, и про то даже, где он теперь, и кто рядом с ним, и почему нынче в рыбацкой лодке, и чего потерял в море ... А когда вскарабкался на каменистый берег и узнал, что матушка ночью померла, в груди оборвалось, и жуткое, болезненно острое напряжение, которое пульсировало в каждой жилке длинного, обветренного лица, сделалось ещё сильнее.

Книга Балкона населяет пустынные берега Байкала в первую очередь хорошими людьми, которые помогают друг другу, которым живется, как может. Вот художник Анатолий Костовский (известное в Иркутске имя) кидается на помощь старому Дамдину (рассказ «Не поспешай, брат»). Вот старик берёт в дети («Ветролом») новорождённого младенца от умирающей безвестной матери - известное в ссыльно-поселенческой старой Сибири дело, а из того получается очень толковый парнишка Найден ... Небо скрепляет горизонты как всегда, оно никуда не делось, и то страшное, что происходит всюду не по людской воле, не по ней и кончится.

Читаешь рассказы, а память уводит в занесённое снегом Прибайкалье. Подлеморье, как называет его Балков. Память будто делается человеком, уходит в

пургу, где всё настоящее - то, что было давно, а то, что есть сейчас - только память, или памятью живо, а без неё совсем пусто, отчужденно. Память, подобно героям рассказов Кима Балкова, уходит на лёд Байкала и не хочет возвращаться в сегодняшний иркутский день - в ненастоящее.

Я уезжаю в свое Прибайкалье. где слова рассказов Балкова не описательны, а живут наяву и насыщаются пространством, прибрежной травой, щепой старых изб умерших настоящих людей. И ветер здесь такой - он зовёт, будто из глубины веков, потому что ни разу не переменялся и все гудел так.

Ясникова Т.В. Послесловие. Куда подевалось небо / К.Н. Балков. Куда подевалось небо. Рассказы – Иркутск : ОАО «Форвард», 2012. – С. 118-119